

СТАНОВЛЕНИЕ¹

(категориально-логический портрет)

Л.Е. Балашов

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАНОВЛЕНИЯ

Мир не дан, а становится²

Л. Окен

Не нужно доказывать, какое важное регулятивное значение имеет категория становления в структуре нашего мышления. От того, как мы понимаем эту категорию, зависит наше отношение к миру...

Становление не является видом движения, изменения, как это принято думать. Оно включает в себя движение, но не сводится к нему. В подлинном смысле становление есть единство материи и движения, т.е. того, что двигается, изменяется и самого движения, изменения. Изменение просто указывает на факт изменения, что происходит какое-то изменение. Становление указывает не только на факт *изменения*, но и на то, *что* изменяется, *каким образом* изменяется.

Далее, становление является не просто единством материи и движения, а *конкретным* единством. Это значит, что оно есть *особое* единство материи и движения, которое осуществляется в какой-то одной области мира. Если *противоречие* — всеобъемлющая, универсальная форма единства материи и движения, то *становление* охватывает лишь некоторые формы связи материи и движения. Его нельзя применять к миру в целом, т.е. нельзя сказать, что мир становится. В мире, конечно, постоянно происходят изменения, превращения. Однако как целое он не имеет какого-то одного избранного направления всех изменений и превращений, что характерно для становления (как движения от низшего к высшему).

Примерами становления являются:

- а) биологический прогресс — движение от низших форм жизни к высшим;
- б) исторический прогресс;
- в) индивидуальное становление человека как творческой личности (таланта, гения).

¹ Вторая статья авторского цикла “Категориальная картина мира”. Первая — “Противоречие (категориально-логический портрет)” — опубликована в третьем номере журнала «Полигнозис».

² Эпиграф принадлежит выдающемуся немецкому биологу и натурфилософу Лоренцу Окену. Как биолог он, конечно, имел в виду не вообще мир, а мир живой природы.

С нашей точки зрения *становление* является более фундаментальной категорией, чем *развитие*. Между тем философы незаслуженно обходят вниманием эту категорию. Если и употребляют термин "становление", то лишь как синоним развития или в значении "формирование", "восходящая ступень развития". В той мере, в какой понятие становления недооценивается, значение понятия развития преувеличено, гипертрофировано. Становление означает восхождение от низшего к высшему (от низших форм действительности к высшим). Развитие же означает рост, усложнение, совершенствование в пределах одной и той же формы действительности. По отношению к развитию становление означает переход от развития меньшей степени сложности, так сказать, низшего порядка, к развитию большей степени сложности, более высокого порядка.

Хотя Гегель и уделил определенное внимание категории становления в своей "Науке логики", в целом его роль в утверждении этой категории была отрицательной. Он слишком абстрагировал ее, лишил конкретного, специфического содержания. В самом деле, определение Гегелем становления как единства бытия и ничто, возникновения и уничтожения является весьма общим и не характеризует становление в его специфическом содержании. Это скорее определение противоречия.

Отрицательная роль Гегеля в осмыслении категории становления проявилась в том, что он невольно своим авторитетом навязал целому ряду поколений философов свое понимание этой категории. В марксистской философии гегелевская трактовка категории становления была преобладающей. В Философской энциклопедии читаем: "*Становление* — процесс, главная черта которого состоит в том, что существование явления уже началось, но еще не приобрело завершенной формы. Становление есть единство бытия и небытия, возникновения и уничтожения, ведущее к результату, ставшему" (В. Гордон)¹. Как видим, почти буквальное повторение Гегеля. Гегельянская трактовка категории становления по существу блокировала исследование этой категории. Свидетельство тому — весьма скудные упоминания о ней в нашей философской литературе. Все богатейшее содержание категории было отнесено к категории развития. А это, как нам представляется, искажает картину реальных процессов.

Структура категории "становление"

Внутренними моментами становления являются возможность и действительность, эволюция и революция. Возможность и действительность — *стороны* становления. Эволюция и революция — *виды* становления. См. *диаграмму (структурную схему) категории "становление"* на следующей странице.

Первое "внутреннее" определение категории таково:

¹ Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970. С. 126.

Становление есть единство (взаимопереход) возможности и действительности.

Диаграмма (структурная схема) категории “становление”

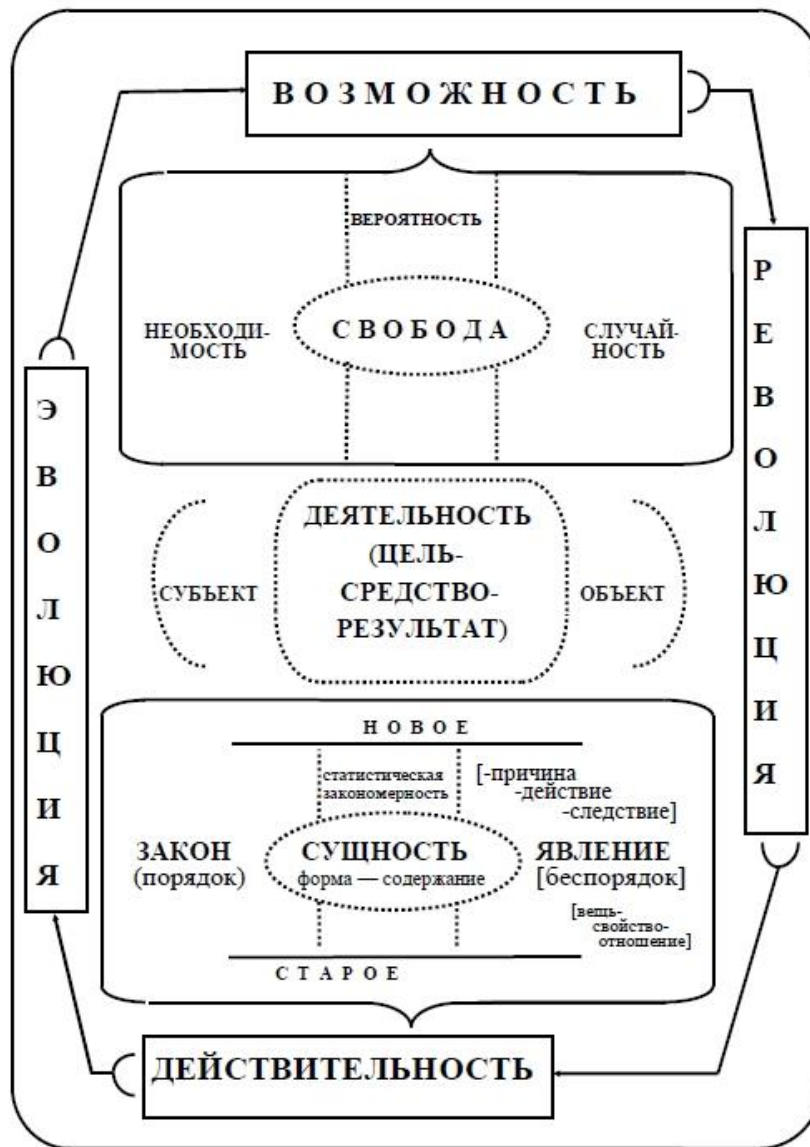

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории “СТАНОВЛЕНИЕ”

Становление только тогда является становлением, когда оно вовлекает в свою "орбиту" все моменты возможности и действительности, а именно, необходимость, случайность, свободу и закон, явление, сущность.

Определение становления как единства возможности и действительности является более правильным и точным, чем гегелевское определение его как единства бытия и ничто. Последние являются слишком аб-

страктными, непосредственными категориями. Они противостоят друг другу как две скалы. Бытие есть бытие, ничто есть ничто. В противоположности бытия и ничто есть что-то *деревянное, косное, застывшее*. Не случайно в истории философии была концепция, которая признавала только реальность бытия. Совсем другое дело, возможность и действительность. Эти категории трудно представить друг без друга; они *предполагают друг друга*. В сущности это те же бытие и ничто, но взятые в их диалектической взаимосвязи. Бытие есть не просто бытие, а *действительность*. Ничто есть не просто ничто, а *возможность*. Интересно в этом плане высказывание Я.Ф. Аскина: "Понятие небытия фиктивно, если понимать под ним некий особый мир, рядоположенный бытию. Понятие небытия в его рациональном толковании отражает не какой-то особый мир, сосуществующий с миром бытия, а характеризует неосуществившиеся потенции материального мира. Становление этих потенций, переход их в действительность — этот процесс и означает переход от небытия к бытию в диалектико-материалистическом смысле"¹.

Взгляд на становление как единство возможности и действительности не является абсолютно новым. Он имеет определенную традицию.

Еще Аристотель указывал, что различие возможности и действительности является необходимым условием "движения и возникновения". Критикуя мегарцев, отрицавших реальность возможного, он писал: "Далее, если неимеющее возможности — это то, что лишено возможности, то получается, что то, что еще не произошло, не будет иметь возможность произойти; если же о неимеющем возможности произойти утверждают, что оно есть или будет, то говорят неправду (ведь именно это означало "неимеющее возможности"), и, следовательно, такие взгляды отвергают и движение и возникновение. В самом деле, то, что стоит, всегда будет стоять, и то, что сидит, — сидеть; раз оно сидит, оно не встанет, ибо невозможно, чтобы встало то, что не имеет возможности встать. Если поэтому утверждать такое недопустимо, то ясно, что возможность и действительность — не одно и то же (между тем приведенные взгляды отождествляют возможность и действительность, а потому и пытаются опровергнуть нечто немаловажное)"².

В отечественной философии неоднократно высказывалось мнение, что становление выражает единство возможности и действительности, их переходы друг в друга. Выше мы уже приводили замечание Я.Ф. Аскина по поводу небытия как возможности. Это замечание он делает в контексте анализа категории становления³. Хотя Я.Ф. Аскин исходит из гегелевской трактовки становления как единства бытия и небытия, он, однако, идет дальше и пытается осмыслить эту категорию в координатах возможности и действительности. У Гегеля этого не было. Между становлением, с одной стороны, и возможностью и действительностью, с другой, у немецкого философа непроходимая грань: эти категории рассматриваются им в разных разделах логики (становление

¹ Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966. С. 77.

² Аристотель. Соч. Т. 1, М., 1976. С. 337-238 (1047a 10-20).

³ Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966. С. 77-78.

— в "учении о бытии", возможность и действительность — в "учении о сущности").

Такую же попытку делает В.М. Гордон. В своей статье "Становление" ("Философская энциклопедия", т. 5) он сначала дает определение этой категории *a la* Гегель, а затем пишет: "оно (становление — Л.Б.) выступает как процесс зарождения возможностей и превращения одной из них в действительность". И еще немного ниже: "Выражая состояние незавершенности существования, становление раскрывает переход возможности в действительность и может рассматриваться как промежуточное звено между ними"¹. Как видим, В.М. Гордон понимает, что становление есть нечто, соединяющее возможность и действительность. Однако, он не сделал решающего шага: не стал рассматривать становление как категорию, *обнимающую* собой возможность и действительность. Оно для него лишь промежуточное звено между ними. Разница между тем и другим пониманием становления вроде бы незначительная, но в ней вся суть. Возможность и действительность — *моменты* становления, а не внешние ему категории, которые оно связывает в качестве промежуточного звена. Такой взгляд на возможность и действительность помимо всего прочего позволяет рассматривать их не как самостоятельную пару категорий, а как включенные в *систему* категорий, категориально-логически. Становление является по отношению к ним *родительской* категорией.

Теперь о втором "внутреннем" определении категории "становление". Оно формулируется так:

Становление есть единство революции и эволюции.

Это определение связано с первым следующим образом:

Революция есть превращение возможности в действительность.

Эволюция есть превращение действительности в возможность.

Здесь необходимо ввести еще две категории, обозначающие разные "формы" действительности в аспекте становления. Это — *старое* и *новое* (*старая* и *новая* действительности).

Тогда приведенные выше определения эволюции и революции можно интерпретировать так:

Эволюция — вызревание в недрах старой действительности возможности новой действительности, постепенная подготовка старой действительности к переходу в новую действительность. Переход же в новую действительность, т.е. реализацию возможности новой действительности осуществляет *революция*.

Эволюция — это превращение новой действительности в старую, *старение* действительности.

Революция, напротив, — переход от старой действительности к новой, *обновление* действительности.

¹ Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970. С.126.

Почему переход возможности в действительность характеризуется как революция? Дело в том, что действительность — это целокупность, объединяющая явление, сущность, закон, и ее изменение, переход в другую действительность означает не только смену явлений, но и переход от старой сущности к новой, от законов, управлявших старой действительностью, к новым законам. Законы и сущности, как и явления, не вечны. Их смена также естественна, как и смена явлений. Правда, если смена явлений происходит все время, то сущности и законы меняются только в период революции, т.е. в период перехода старой действительности в новую, в период коренного изменения, обновления действительности.

В недрах старой действительности зарождаются законы новой действительности, но они выступают на данном этапе не как законы, а как *необходимость*. Последняя есть возможность нового закона, предпосылка возникновения нового закона. Закон есть действительность необходимости, есть реализованная необходимость. Неплохо сказано в "Словаре иностранных слов": "эволюция подготавливает революцию и создает для нее почву, а революция увенчивает эволюцию и способствует дальнейшему развитию, открывая качественно новые возможности эволюции"¹.

Как мы уже говорили, старое и новое являются моментами действительности в аспекте становления. В этой связи следует подчеркнуть, что становление включает оба перехода: от старого к новому и от нового к старому. Обычно, когда говорят о прогрессе, то видят только один переход — от старого к новому, обновление действительности. В тени остается другой переход: от нового к старому (нового в старое), старение того, что когда-то было новым. Ультрареволюционеры, сверхпрогрессисты постоянно забывают об этой второй стороне становления. Отсюда их нетерпение, торопливость. В самом деле, для того, чтобы можно было переходить от старого к новому, нужно, чтобы старое *было*, чтобы прежнее, предыдущее новое *как следует состарилось*, т.е. как можно полнее *одействовательно* и *исчерпало* себя. Только при этом условии возможен переход от старого к новому. (А иначе это будет непрерывный переход от одного нового к другому новому, скачки, ведущие к хаосу).

Индивидуальное становление человека

"Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть" — сказал К. Гельвеций. "*Жить* — значит непрерывно двигаться вперед" — этот афоризм принадлежит Самюэлу Джонсону. Оба высказывания говорят о том, что человек в процессе индивидуальной жизни не просто живет, развивается, действует, а *становится* тем или иным. Становление человека как творческой личности может продолжаться всю жизнь.

¹ Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 570.

Далее, в индивидуальном становлении человека время от времени бывают свои революции. Например, в жизни Канта — переход от докритического периода к критическому, создание трех "Критик". В жизни И.П. Павлова — переключение научных интересов из области общей физиологии в область физиологии высшей нервной деятельности. В жизни Рахманинова — создание Второго концерта после периода длительной творческой депрессии. Эти индивидуальные революции можно назвать еще *взлетами*. Человек сразу как бы "взбегает" высоко по лестнице становления.

Жизненные переломы бывают, однако, не только в сторону дальнейшего становления (так сказать "взлетного" порядка), но и в обратную сторону. Человек не всегда удерживается на высоте становления. Может быть так, что первую половину жизни он *становится* как творческая личность, а потом сдает позиции, в некотором смысле деградирует. Например, уход М.А. Балакирева от активной композиторской деятельности или творческий кризис В.И. Сурикова после смерти жены.

Итак, в индивидуальной жизни человека может быть "движение вперед" — становление, прогресс и "движение назад" — антистановление, деградация, регресс.

Становление и развитие

Становление по определению является движением от старого к новому и от нового к старому. Не таково развитие. Его нельзя рассматривать как движение от старого к новому и от нового к старому. Развитие — это ряд изменений организма (сообщества), которые приводят к его усилению, т.е. это не переход от старого к новому, а развитие нового. Например, индивидуальное развитие человека от его рождения до зрелости. Здесь нет перехода от старого к новому и от нового к старому (как в случае становления). Дитя, ребенок не является старым. Это народившееся новое, которое затем развивается до полной зрелости, "развитости". Или, например, у человека обнаружились какие-то задатки, которые затем развиваются в способности, а последние — в талант или в гений.

Процессы развития и становления тесно переплетаются друг с другом. Так, указанные выше цепочки развития "дитя-юноша-взрослый" или "задаток-способность-талант" вплетаются, если можно так выразиться, в ткань становления. Если в одном отношении талант или гений являются *развитием* задатков, способностей, то в другом отношении следует говорить о *становлении* таланта, гения, т.е. о появлении нового, *небывалого*, о новом взлете человеческого гения (в смысле взлета человеческой культуры и гения вообще).

В отличие от становления развитие нельзя считать движением от низшего к высшему. Разве можно дитя называть низшим, а взрослого человека — высшим, или семя растения низшим, а его плод высшим? Они несравнимы в этом плане. Нельзя также говорить, что взрослый

находится на более высокой ступени развития, чем юноша. Да, конечно, для взрослого характерна "развитость", а для ребенка "неразвитость". Но эти ступени развития (неразвитость-недоразвитость-развитость или детство-юность-зрелость) нельзя называть более низкими и более высокими ступенями развития. Можно говорить о "возмужании", "созревании", "взрослении", "развитии", "росте", но не о "движении вперед" или движении от низшего к высшему, от старого к новому.

Конечно, человек в своем индивидуальном развитии повторяет некоторые этапы становления природы и человеческой культуры и в этом смысле можно говорить о его развитии в смысле движения от низшего к высшему (он ускоренно "проходит" или "пробегают" этапы предшествующего становления). Но это движение "от низшего к высшему" принципиально отличается от того движения от низшего к высшему, которое происходило *впервые* в природе или в человеческой культуре.

Когда движение от низшего к высшему происходит *впервые* — это *становление* (отличительная черта становления как категориального определения — движение к новому, небывалому), но когда это движение "от низшего к высшему" "закрепляется" в виде постоянно повторяющегося циклического изменения, пробегания одних и тех же стадий, т.е. когда оно "закрепляется" в виде определенного "механизма", "организма" изменения, то это — *развитие*, а не становление. Так, в эмбриональном развитии живого организма повторяются некоторые стадии предшествующего становления — "эволюции" живого — это именно развитие, а не становление.

Не все то, что "было", можно характеризовать как "старое" и не все то, что "есть" или "будет" можно характеризовать как "новое". У человека "были" детство, юность, но это не старое; у него "будет" старость, но это не новое. С другой стороны "старое" и "новое" могут совпадать с временным порядком "было-есть-будет".

Уже длительное время предметом острой дискуссии в философии и биологии является проблема различных типов развития. Ученые и философы все больше приходят к выводу, что между *онтогенезом* (индивидуальным развитием) и *филогенезом* (историческим развитием) имеется *коренное* различие. Имевшее место в прошлом сведение филогенеза к онтогенезу, когда филогенез понимали как простую совокупность или цепь онтогенезов, связано помимо всего прочего с тем, что и тот и другой процесс обозначались одним и тем же понятием — "развитие". А ведь в "развитии", если брать этимологию слова, его происхождение, значительный удельный вес принадлежит тому, что впоследствии стали называть онтогенезом, эмбриогенезом, индивидуальным развитием. Развитие — это "развивание", "развертывание" того, что уже есть, было. В филогенезе же значительный удельный вес принадлежит тому, что появляется впервые, чего не было никогда, что по самому смыслу своему не является результатом "развертывания", "развития" существующе-

го. Поэтому методологически неоправданным является обозначение (понимание) филогенеза как развития. Между филогенезом и онтогенезом столь глубокое различие, что их лучше причислить не к разным типам развития, а к разным категориальным определениям: онтогенез считать типом развития, а филогенез — типом становления.

Следует отметить, что различие между становлением и развитием можно только до известной степени уподобить различию между филогенезом, историческим развитием и онтогенезом, индивидуальным развитием. Дело в том, что становление может быть "свойственно" индивидууму (о чем мы писали выше), а развитие — *сообществу*, т.е. той или иной группе живых организмов, существ, людей, как-то связанных друг с другом. Сообщество имеет определенные черты организма и поэтому оно может развиваться *подобно* организму¹.

Пока для "становления" и "развития сообщества" используется один термин: "историческое развитие". По всей видимости и "филогенез" обозначает два разных понятия. Те ученые, которые сближают филогенез с онтогенезом, имеют в виду "развитие сообщества", а те ученые, которые противопоставляют филогенез онтогенезу, имеют в виду "становление", т.е. восхождение от низшего к высшему.

Важно не путать "становление" и "развитие сообщества". Сообщество может развиваться, но при этом оставаться в пределах одной и той же "формы" действительности, т.е. не изменяться в направлении от низшего к высшему. (Это видно на примере биологического вида, который представляя тупиковую ветвь эволюции живого, тем не менее может бурно развиваться).

Развитие — это, так сказать, запрограммированное изменение. Становление — незапрограммированное изменение, хотя, конечно, оно "имеет" объективные предпосылки. Но объективные предпосылки — не программа.

Специфическими субкатегориями становления являются "новое", "старое", "низшее", "высшее", "простое", "сложное", "эволюция", "революция", "движение вперед", "прогресс" и т.д.

Специфическими субкатегориями развития являются "детство", "юность", "зрелость", "старость", "созревание", "взросление", "рост", "возмужание", "взрослость", "развитость" и т.д.

Всякое становление сопровождается развитием, необходимо предполагает развитие, но не всякое развитие предполагает становление, т.е. не всякое развитие является моментом становления. Например, одноклеточные организмы являются развивающимися организмами, но большинство из них не изменяется в смысле становления. Когда-то, на заре жизни одноклеточные организмы постепенно преобразовались в многоклеточные. Это был становящийся процесс, прогресс. Теперь же прак-

¹ См. об этом: Л.Е. Балашов. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М., 1997. С. 130-134.

тически все одноклеточные организмы по-прежнему проходят свой цикл развития, делятся, изменяются как-то, но *не становятся*.

Как мы уже говорили, развитие бывает разной степени сложности. Самое простое развитие "свойственно" одноклеточным организмам. Самые сложные, высшие формы развития мы наблюдаем в человеческом обществе. Становление можно представить как переход или цепь переходов (восхождение) от низших форм развития к высшим, от развития одной степени сложности к развитию другой, более высокой степени сложности.

Здесь следует дать некоторые пояснения относительно понимания становления как движения от низшего к высшему. Реальный процесс становления не так однозначен, одномерен, однонаправлен, как это может показаться при такой его характеристике. Движение от низшего к высшему — не столбовая дорога, не некоторый прямой или спиралеобразный путь. Только задним числом, ретроспективно мы можем оценить-определить, где низшее, а где высшее. Последнее при своем возникновении может оказаться (или показаться) таким гадким утенком становления. И вообще, непосредственный переход от низшего к высшему может состояться совсем не там, где его ждут или где, казалось бы, он должен быть. Как отмечают биологи-эволюционисты, более высокие формы организации живого возникают не от самых развитых, но сильно специализированных форм, а от менее развитых и менее специализированных форм.

2. СТОРОНЫ СТАНОВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЗМОЖНОСТИ

Категория возможности является категорией, соотносительной с категорией действительности. Ей принадлежат все определения, выражающие в той или иной мере возможное, т.е. еще не существующее в действительности, но *могущее* быть.

Возможность есть предпосылка перехода одной действительности в другую или старой действительности в новую.

Как категория, соотносительная с категорией действительности, возможность включает в себя (за исключением невозможных и чудесных "явлений") *все виды* отсутствия действительности и наличия возможности: от самого случайного через менее и более вероятное до самого необходимого. Отсюда "внутреннее" определение категории возможности таково:

Возможность есть целокупность, объединяющая случайность, вероятность, необходимость, свободу.

Случайность и необходимость — противоположные стороны или виды возможности.

Вероятность является промежуточной категорией, осуществляющей постепенный переход от случайности к необходимости. Меньшая вероятность ближе стоит к случайности; большая вероятность — к необходимости.

Свобода — органическое единство, взаимоопосредствование случайности и необходимости.

Ниже см. диаграмму (структурную схему) категории возможности:

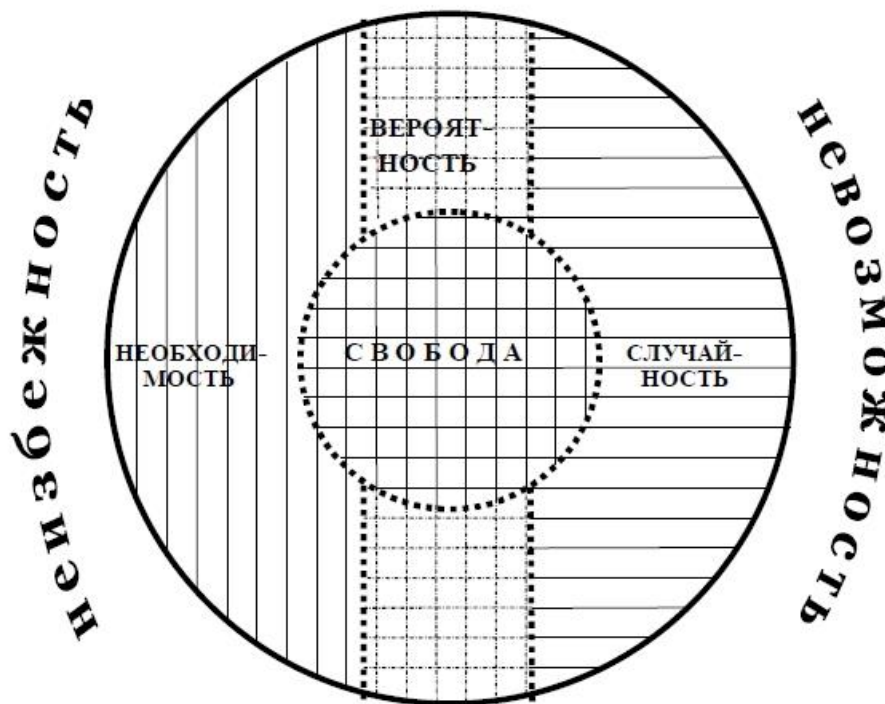

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории "ВОЗМОЖНОСТЬ"

Случайность есть специфическая, единичная возможность, одна из многих возможностей.

Необходимость есть всеобщая (точнее одна, единственная) возможность, исключаящая все другие возможности.

Эти характеристики случайности и необходимости не являются изобретением автора. В той или иной форме их можно встретить даже в справочных философских изданиях. Так, в "Философском энциклопедическом словаре" читаем: "Случайность — отражение в основном... единичных связей... Необходимость — вещь, явление в их всеобщей закономерной связи; ...способ превращения возможности в действительность, при котором в определенном объекте имеется только одна возмож-

ность, превращающаяся в действительность"¹. Непонятно только, почему случайность — отражение, а необходимость — вещь, явление. Здесь какая-то логическая грязь, неряшливость мысли. И о необходимости как способе превращения возможности а действительность тоже неправильно. Необходимость — это только возможность. Например, у животного существует постоянная потребность в питании. Это железная необходимость. Однако, животное не всегда может удовлетворить эту свою потребность вплоть до голодной смерти. Где же тут действительность питания? Ни о какой действительности или полудействительности необходимости говорить не приходится.

Далее, если *случайность* определяет многообразие возможностей, а *необходимость* — их единообразие, то *свобода* есть единство возможностей в их многообразии или многообразие возможностей в их единстве.

Случайность — может быть так, а может быть и совсем по-другому вплоть до наоборот. Случайность, таким образом, — это различие и противоположность, воплощенные в возможности, "существующие" как возможность.

Необходимость — может быть так и только так (должно быть так). Необходимость — это тождество, воплощенное в возможности, "существующее" как возможность.

Вероятность — может быть так, а может быть и несколько иначе в большей или меньшей степени.

Случайность — *внешняя* возможность; ей соответствует внешнее противоречие. *Необходимость* — *внутренняя* возможность; ей соответствует внутреннее противоречие. *Вероятность* — *промежуточная* возможность; ей соответствует промежуточное противоречие. *Свобода* — *сложная* возможность, единство внутренней и внешней возможности; ей соответствует сложное противоречие.

В сфере действительности случайности соответствует явление, необходимости — закон, вероятности — статистическая закономерность, свободе — сущность.

Если оценивать случайность и необходимость с точки зрения вероятности, то случайность можно интерпретировать как вероятность, приближающуюся или близкую к нулю, а необходимость как вероятность, близкую или приближающуюся к единице.

Собственно вероятность как *промежуточная* возможность между случайностью и необходимостью имеет место в интервале значений от близких к нулю до близких к единице. Случайность "плавно" переходит в вероятность. На границе перехода случайность носит явно статистический характер; ее можно назвать *статистической случайностью* (именно такая случайность является предметом математической статисти-

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 421 (Н.В. Пилипенко).

стики, теории вероятностей). Необходимость также "плавно" переходит в вероятность. На границе перехода необходимость носит явно статистический характер; ее можно назвать *статистической необходимостью*.

Про вероятность обычно говорят: малая (или меньшая) вероятность, большая (или большая) вероятность — отмечая этим постепенный, плавный переход от одной противоположной стороны возможности к другой. Следует иметь в виду, что слово "возможность" кроме основного, категориального значения (как категории, соотносительной с категорией действительности) имеет и другие, некатегориальные значения. Так, возможность часто употребляют в узком значении, как возможность наступления одного события или как большую или меньшую вероятность (в значении вероятности). Отсюда нередко происходит путаница понятий. Философы порой разделяют и даже противопоставляют категории возможности и необходимости, что совершенно неправильно с точки зрения категориальной сущности этих понятий. Ведь необходимость — это еще не сама действительность, а только возможность наступления действительного события, пусть даже если эта возможность носит категорический, императивный характер (об этом мы уже говорили выше). От необходимости до реального осуществления может быть дистанция огромного размера. Для этого нужен переход от одной категориальной "формы" — возможности — к другой — действительности. Поэтому необходимость — сторона, вид возможности. (Повторяем еще раз: возможность, как категория, соотносительная с категорией действительности, включает в себя все виды отсутствия действительности и наличия возможности — от самого случайного, т.е. почти невозможного, через менее и более вероятное до самого необходимого вплоть до неизбежного.)

В практике словоупотребления мы, конечно, встречаемся и будем встречаться с противопоставлением "возможного" и "необходимого", когда говорят: это только возможно, а это необходимо. Однако такая практика пусть нас не вводит в заблуждение. Это только поверхность явлений. В сущности же необходимость как категориальное определение является частным видом, стороной возможности как более общей и фундаментальной категории. Здесь на ум приходит сравнение с видимым движением Солнца. В языке прочно закрепилось выражение: "Солнце движется по небу, всходит и заходит". Тем не менее все знают, что на самом деле не Солнце движется вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. В естественном языке можно найти много таких неувязок, поскольку он отражает наряду с новыми, современными, более точными представлениями немало явно устаревших представлений.

В марксистской философии существовало взятое от Гегеля деление на формальные и реальные возможности, причем формальная возможность обычно связывалась со случайностью, а реальная возможность —

с необходимостью. Определения, которые давали философы понятиям формальной и реальной возможности, были похожи на определения случайности и необходимости...

Как говорится, плод давно созрел и пора уже освободиться от "строительных лесов" (понятий формальной и реальной возможности). Плохо то, что наши философы, основательно завязнув в сетях гегелевской логики, так и не смогли сделать шаг от *косвенного* признания случайности и необходимости как моментов возможности в виде понятий формальной и реальной возможности к *прямому* признанию их в качестве моментов возможности. Сложившееся положение с категориями случайности, необходимости и возможности еще раз доказывает важность разработки проблем категориальной логики. Философы-марксисты за неимением лучшего вынуждены были пользоваться гегелевскими понятиями и представлениями, которые далеко не всегда соответствуют реальному положению вещей.

Случайность и необходимость можно рассматривать в известном смысле как неопределенность и определенность.

Случайность есть некоторая неопределенность наступления того или иного события, есть некоторое неопределенное поле возможностей.

Необходимость, напротив, есть определенность или, точнее, предопределенность наступления того или иного события.

Извечные *хочу*, *могу* и *надо* отражают в житейско-просторечной форме реальные категориальные определения: случайность, свободу и необходимость. В нашем "хочу" всегда есть элемент произвола или, как говорил Гегель, "случайности воли, хотения". "Могу" выражает степень нашей свободы, что мы можем реально. Чем больше мы можем, тем более свободны. И, наконец, "надо" выражает элемент необходимости в нашем поведении. Говорят, например: "есть такое слово "надо"! Говорят еще: "счастье — это когда "надо" и "хочется" совпадают". В самом деле "хочу", "могу" и "надо" должны соответствовать друг другу, чтобы человек был свободен и счастлив.

Кроме упомянутых выше "внутренних" категориальных определений возможность имеет еще "внешние" категориальные определения, расположенные как бы рядом с ней, родственные ей. Это — *невозможность* и *неизбежность*. *Невозможность* — тень возможности; она существует лишь как мысль, как понятие. Она находится с той стороны возможности, которая "заканчивается" случайностью. Ее вероятность равна нулю. *Неизбежность* находится с той стороны возможности, которая "заканчивается" необходимостью. Ее вероятность равна единице.

Невозможности как антиподу возможности соответствует понятие *недействительности*, являющееся антиподом действительности.

Невозможность и *недействительность* существуют лишь идеально, в сознании человека, в виде понятий, которым реально ничего не соответствует или скрывается (в случае недействительности) нечто другое.

Тем не менее эти понятия имеют ту ценность, что они обозначают и объясняют целый ряд внутренних явлений сознания.

Мысли о невозможности или недействительности чего-либо имеют важное регулятивное значение. Они ограничивают произвол нашей фантазии, ставят предел достоверности чувственных восприятий и образов. Таковы, например, мысль о невозможности вечного двигателя или мысль о недействительности бога, ведьм, чертей. Если бы все плоды нашего воображения мы принимали как существующие или могущие быть в действительности, то это затруднило бы нашу деятельность и даже просто сделало бы ее невозможной. Неразвитому уму очень многое кажется возможным. Он готов поверить и в "летающие тарелки" и в телекинез и во многое другое. Своеволие мысли можно как раз сдерживать путем неустанного изучения границ возможного и невозможного. А в сфере возможного есть такой "сорт" возможностей, о которых лучше не думать. Мы имеем в виду возможности типа маниловских мечтаний. К такому же "сорт" возможностей относятся "пустые" возможности, о которых писал Гегель. У него есть на этот счет весьма интересное высказывание. Вот оно: "Чем необразованнее человек, чем менее известны ему определенные отношения предметов, которые он намерен рассматривать, тем более он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных"¹.

С другой стороны, неразвитому уму многое кажется невозможным. Он порой признает только то, что есть и что он сам пощупал и потрогал.

Правильно понимать соотношение возможного и невозможного — залог прогресса мысли и успехов в деятельности. Тот, кто считает слишком многое невозможным, обрекает себя на консерватизм, косность мысли, застой. А тот, кто считает слишком многое возможным, склонен к безудержному фантазированию, пустым мечтаниям и непродуманным импульсивным действиям.

В неорганической природе возможность выступает в виде непосредственных противоположностей случайности и необходимости, а также промежуточного звена — вероятности. В живой природе и человеческом обществе к этим видам возможности прибавляется *свобода*. Как взаимоотношение случайности и необходимости свобода появляется только на стадии живой природы, когда живые существа не просто взаимодействуют с окружающей средой, а осуществляют *деятельность*.

Гегель почти угадал такое распределение видов возможности. В "Философии природы" он писал: "Природа тем самым являет в своем наличном бытии не свободу, а *необходимость* и *случайность*"². И не-

¹ Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 316.

² Гегель. Энциклопедия филос. наук. Т. 2, М., 1975. С. 29 (§ 248).

много ниже: "природа не свободна, а лишь необходима и случайна"¹. Гегеля можно упрекнуть лишь в том, что он не разглядел в *живой* природе возникновение *свободы*. Человеческий мир у него отделен почти непроходимой пропастью от природы вообще и от живой природы в частности. Впрочем, такой взгляд на природу и человека был характерен не только для Гегеля, а был господствующим в среде интеллектуальной элиты общества почти до середины XX века. Это по всей видимости было обусловлено влиянием христианской традиции.

2.2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Действительность — момент становления, противопоставляемый *возможности*. Это — "внешнее" определение категории действительности. Только в соотношении с категорией возможности *действительность* может быть определена как специфическая категория, отличающаяся от всех других категорий.

Как мы уже говорили, весьма распространенным является употребление слова "действительность" в расширенном значении ("объективной или материальной реальности", просто "реальности" или даже "мира в целом"²). Вследствие такого употребления слова существует постоянная опасность абсолютизации категории "действительность" и, соответственно, недооценки категории "возможность". Если говорить "по истине", "по логике вещей", то нужно признать, что понятие действительности по отношению ко всему миру (всей реальности) не имеет смысла. Оно охватывает лишь то, что существует в некоторый отрезок времени и в некотором пространстве. Не приходится говорить о действительности того, что было и чего уже нет и что будет, но еще не наступило. Также не приходится говорить о действительности (или недействительности) того, что выходит за пределы некоторой области пространства и находится в бесконечном удалении от нее. Мир в целом *абсолютно* бесконечен. Действительность же не является абсолютно бесконечной (т.е. абсолютно безграничной в пространстве и вечной во времени).

Понятие действительности охватывает некоторую совокупность реальностей, как-то связанных друг с другом. (Именно поэтому, кстати, мы называем действительность *целокупностью*). Конкретная связь реальных объектов является необходимым условием существования действительности как некоторой категориальной реальности в ее связности, целостности, сращенности. Ясно, что целостность действительности нельзя представлять в том же смысле, что и целостность тела, вещи (атома, например). Однако ее нельзя представлять и в смысле целостно-

¹ Там же. С. 32.

² В "Словаре русского языка" С.И. Ожегова (М., 1991) "действительность" во втором основном значении определяется как "объективный мир во всем многообразии его связей, бытие".

сти мира в целом (равной по-существу нецелостности). Понятие мира охватывает и такие объекты, связь которых "стремится" к нулю, а уж об их непосредственной связи нечего и говорить.

Когда мы ведем речь о конкретных вещах и явлениях, то в хорошем приближении допустимо говорить о действительности в значении существующей реальности, подразумевая под ней только эти конкретные вещи и явления. Здесь наблюдается примерно та же картина, что и в случае евклидова и неевклидова пространства. В нашем земном макром мире мы можем со значительной долей истины считать, что все пространство является евклидовым. Но как только мы выходим за пределы этого мира, то должны принять во внимание, что понятие евклидова пространства имеет ограниченный смысл, т.е. его нельзя распространять на все пространство мира.

Если мы отождествляем действительность с миром, реальностью вообще, то трактуем мир, реальность, хотим мы этого или нет, лишь в аспекте действительности, а возможность либо вообще упускается из вида (на такой позиции стояли мегарцы, которых критиковал Аристотель), либо ставится в подчиненное положение по отношению к действительности.

Весьма опасно порой рассматривать конкретные проблемы лишь в аспекте действительности, существования. В качестве примера можно привести то, как трактуют некоторые моралисты и ученые-этики извечную проблему *добра* и *зла*. Утверждая неустранимость морального зла из жизни людей, общества, они аргументируют, как правило, по схеме: "добро существует лишь постольку, поскольку существует и зло".

Приведем несколько характерных высказываний:

Августин Блаженный: "Из совокупности добра и зла состоит удивительная красота вселенной. Даже и то, что называется скверным, находится в известном порядке, стоит на своем месте и помогает лучше выделяться добру. Добро больше нравится и представляется более похвальным, если его можно сравнить со злом"¹.

Я. Беме: "Зло — необходимый момент в жизни и необходимо необходимый... Без зла все было бы так бесцветно, как бесцветен был бы человек, лишенный страстей; страсть, становясь самобытной, — зло, но она же — источник энергии, огненный двигатель... доброта, не имеющая в себе зла, эгоистического начала, — пустая, сонная доброта. Зло враг самого себя, начало беспокойства, беспрерывно стремящееся к успокоению, т.е. к снятию самого себя"².

¹ См.: Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Молот ведьм. М., 1932. С.146. Это мнение Августина сыграло свою зловещую роль. Оно эхом разнеслось по истории вплоть до нашего времени. Профессор теологии говорит в романе Томаса Манна "Доктор Фаустус": "Но чем стало бы добро без зла? Оно потеряло бы критерий для сравнения своего качества. Зло становится еще злее, если есть добро, а добро еще добрее, если есть зло. Вот почему Августин говорит, что функция зла заключена в том, чтобы сильнее оттенить добро. Святость, господство, не мыслима без искушения." Сентенция профессора запала в душу молодого Адриана Леверкюна и послужила для него своеобразной индульгенцией.

² См.: Герцен А.И. Собр.соч. в 30 т.т. Т. III. С. 240.

Мандевиль: "То, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех процессов и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем"¹.

Гете: "все, что мы зовем злом, есть лишь обратная сторона добра, которая также необходима для его существования, как и то, что *Zona torrida* должна пылать, а Лапландия покрываться льдами, дабы существовал умеренный климат"².

О.Г. Дробницкий: "все то, что представляется нам безусловным благом, оказывается имеет смысл лишь постольку, поскольку существует еще и зло"³.

Что и говорить, позиция этих авторов кажется убедительной и даже неоспоримой. Они, действительно, по своему правы. В самом деле, добро и зло могут выступать как полюсы моральной действительности. Однако, можно ли на этом основании считать, что добро имеет смысл лишь постольку, поскольку существует еще и зло (см. высказывание О.Г. Дробницкого)?! Нет, нет и еще раз нет! Да, добро и зло — соотносительные категории. Но соотносительность их можно понимать по-разному, как соотносительность действительно, в равной мере существующих полярных начал подобно соотносительности северного и южного полюсов, и как соотносительность действительного и возможного подобно соотносительности здоровья и болезни (человек может быть действительно здоровым и лишь потенциально больным, и наоборот, если он действительно болен, то лишь потенциально здоров). Бывают, конечно, эпохи, периоды в истории и просто ситуации, когда добро и зло в равной мере существуют и противоборствуют, когда трудно оценить, что сильнее: добро или зло. В таких случаях можно говорить об этих категориях как полярных началах моральной действительности. Но можно ли на этом основании утверждать, что существование зла всегда, во всех случаях необходимо для существования добра, что добро только тогда является положительной моральной ценностью, т.е. добром, когда оно противостоит реально существующему злу. Безусловно, зло может оттенять добро и "способствовать" его возвеличиванию, но отсутствие или исчезновение зла из реальных отношений между людьми отнюдь не влечет за собой исчезновение добра, нравственности. Подобно тому, как люди предупреждают наступление болезни, голода, принимая различные меры, они научатся и будут предупреждать появление зла, не позволяя ему перейти из сферы возможности в сферу действительности. Следует иметь в виду, что добро является отрицанием зла не только в том смысле, что оно преодолевает существующее зло или противоборствует ему, но и в том смысле, что оно может выступать как профилактическая мера, как предупреждение возможного зла.

¹ См.: Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. 1, М., 1955. С. 372.

² Гете. Ко дню Шекспира.

³ Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1966. С. 38.

А.Ф. Шишкин справедливо пишет: “положение, что человеческая природа содержит некое врожденное зло, можно — в различных формах и для различных выводов — найти и в Библии, и в политических теориях Макиавелли и Гоббса, и в философских теориях Шопенгауэра и Ницше, не говоря уже о многочисленных современных философских, социологических и этических теориях. Если бы это положение было верным, тогда пришлось бы отказаться от задачи воспитания человека и воздействовать на него только средствами принуждения”¹.

Бетховен создал свои гениальные симфонии. Этим он оказал великую услугу человечеству. Разве это его добродетель имеет смысл лишь потому, что существует еще и зло? Какая нелепость! Добро имеет самостоятельную ценность и не нуждается в том, чтобы зло его оттеняло и возвеличивало. Мы вдохновляемся музыкой Бетховена независимо от того, существует зло или нет. Она зовет нас на борьбу, но это не обязательно должна быть борьба с моральным злом. Есть много на свете проблем и дел, где нужна человеческая энергия, страсть, воля к победе и где моральное зло только мешает.

Нацисты во время второй мировой войны в одном только лагере смерти — Освенциме — уничтожили полтора миллиона человек. Разве мы можем хоть в какой-то мере оправдывать это преступление против человечества ссылаясь на то, что злодеяния необходимы для придания смысла добру, для его оттенения и возвеличивания?!

Итак, ясно, что добро и зло нельзя рассматривать только в плане *существования*; их следует рассматривать в более широком плане, а именно, в плане *возможности и действительности*, действительного и возможного существования. Они могут сосуществовать и противоборствовать как полюсы моральной действительности, а могут соотноситься как действительное и возможное (в частном случае, как норма и патология). Ф.М. Достоевский, всегда очень чуткий к моральным проблемам, отказывался верить в то, что зло нельзя победить. “Люди, — писал он, — могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей”.

Мы рассмотрели конкретную проблему — добра и зла, — и показали на ее примере, как важно в методологическом плане не абсолютизировать категорию действительности. Такая абсолютизация может наделать много бед, либо ориентировать людей на пассивность, либо, еще того хуже, толкать их на совершение морального зла.

Давая общую характеристику категории действительности, мы не можем обойти молчанием позицию *Гегеля* в этом вопросе. Он явным образом абсолютизировал эту категорию. Возможность у него лишь *момент* действительности. А ведь по самому своему смыслу она противостоит последней, находится за ее “скобками”. (Противоположность

¹ См.: Вопросы философии, 1965, № 1. С. 11.

потому и является противоположностью, что она не принадлежит к тому, что противоположно ей, а *внешня* ему. *Внешность* есть существенное определение отношения противоположности. Без этого противоположные стороны попросту сливаются.)

Для Гегеля вполне логично включение возможности в действительность. Хотя он и был сторонником идеи развития, все же у него можно наблюдать определенный крен в сторону абсолютизации устойчивости, сохранения, движения по кругу, т.е. движения *внутри* действительности. Не случайно он актуальную бесконечность, образом которой является движение по кругу, называл истинной а потенциальную бесконечность — дурной, т.е. неистинной. Гегель не дошел до подлинной идеи становления (прогресса), предполагающей различие (вплоть до противопоставления) старой и новой действительности и утверждающей более самостоятельное значение категории возможности, ее неподчиненность действительности. (Опять же отметим, что многие философы, в отличие от Гегеля, рассматривают категорию возможности *наряду* с категорией действительности, а не внутри последней. Это изменение в расстановке категорий кое-кому покажется незначительным, пустяковым. На самом же деле оно отражает различие *концепций*).

Вспомним также знаменитый тезис Гегеля: “*Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно*”¹. Этот тезис вполне вписывается в его концепцию абсолютизированной действительности.

Возражая Гегелю, мы должны сказать, что по-настоящему становление возможно лишь при условии различения и противопоставления возможности и действительности. В самом деле, если мы считаем, что возможность подчинена действительности, то как бы мы ни подчеркивали значение этой категории, она не может быть в подлинном смысле *другим* действительности, а действительность по-настоящему не может перейти в *другую* действительность, так как для этого необходима совсем иная возможность, чем та, которая содержится внутри старой действительности. Диалектика действительности и возможности такова, что одна “часть” возможностей вызревает в недрах старой действительности, является как бы ее детищем, а другая “часть” возможностей обязательно должна “прийти со стороны”, быть внешней для этой действительности. Действительность лишь отчасти можно уподобить пауку, который тклет паутину из самого себя. Не все возможности вытекают из старой действительности. В том-то и состоит принципиальное отличие возможности от действительности, что она создает условия для возникновения совершенно другой, *новой* действительности. Благодаря возможности (прежде всего случайности) последняя содержит в себе такие моменты, которых *не было* в старой действительности.

Возвращаясь к Гегелю отметим еще, что хотя он и абсолютизировал категорию действительности, все же он во многом правильно трактовал

¹ Гегель. Философия права. М., 1990. С. 53 (“Предисловие”).

ее содержание, в частности, отчетливо сознавал ее весьма сложный, как бы сказать, объемный, многослойный, не плоскостный характер. Как это ни парадоксально, но то, что он внутри действительности *увидел* возможность (что она не просто действительность, а действительность, продуцирующая возможность), составляет в определенном смысле положительную сторону его учения о действительности. В ситуации взаимопосредствования (органического синтеза) возможность и действительность могут быть внутренни друг другу. Действительность, опосредствованная возможностью, и возможность, опосредствованная действительностью, суть не что иное как *моменты деятельности*. В последней они *овнутрвляются*¹. Для Гегеля был характерен как раз *деятельностный* подход к исследованию многих категорий и самой объективной реальности.

Структура действительности

"Внутреннее" определение категории таково: *действительность есть целокупность, объединяющая закон, статистическую закономерность, явление, сущность*.

Закон и явление — противоположные стороны или виды действительности.

Статистическая закономерность — промежуточная категория, осуществляющая "плавный", постепенный переход от закона к явлению или от явления к закону. Так называемые "теоретические" статистические закономерности ближе "стоят" к закону, а так называемые "эмпирические" статистические закономерности (устойчивости, регулярности) ближе "стоят" к явлению.

Сущность — органическое единство, взаимопосредствование закона и явления.

См. ниже *диаграмму (структурную схему) категории действительности*:

¹ О *деятельности* см. раздел 3.6. "Подсистема "Деятельность, субъект, объект" в: Л.Е. Балашов. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М., 1998.

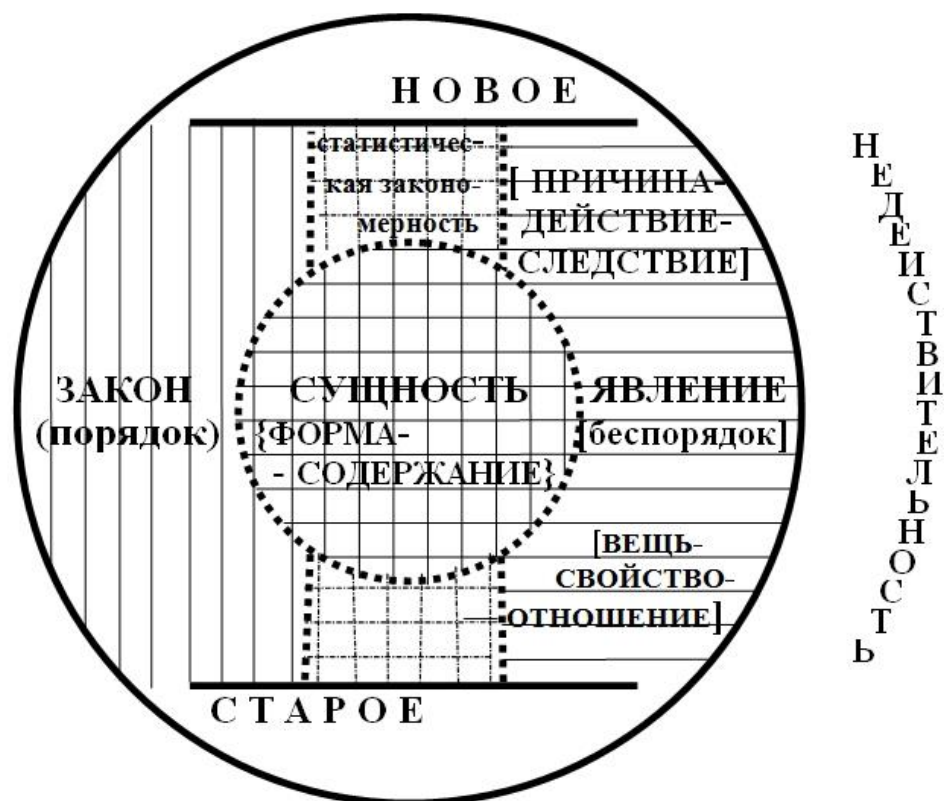

Рис. 18. Диаграмма (структурная схема) категории действительности

Закон и явление, как необходимость и случайность, можно характеризовать в следующих аспектах. Прежде всего они противостоят друг другу как всеобщее, единственное и специфическое, единичное. Закон есть всеобщая, единственная действительность.

Явление есть специфическая, единичная действительность, одна из многих действительностей.

Закон определяет *единообразие* действительности.

Явления в совокупности составляют *многообразие* действительности.

Закон — бывает так и *только так*, *единственным* образом. Он есть *тождественное* в действительности.

Явление — бывает так, а бывает и *по-другому* или совсем *наоборот*. Оно есть *различное* и *противоположное* в действительности.

Статистическая закономерность — бывает так, а бывает и *несколько иначе*, в той или иной степени "инаковости".

Закон есть *внутренняя сторона* действительности или внутренняя действительность. Непосредственно, через органы чувств или приборы, закон не наблюдаем, сам себя он не обнаруживает. Обнаружить или наблюдать его можно только косвенно, через явления.

Явление есть *внешняя сторона* или, короче, внешняя действительность. Его можно наблюдать непосредственно, через органы чувств или через приборы.

Закон представляет ту сторону действительности, которую можно характеризовать словами "определенность", "упорядоченность", "порядок" и т.п.

Явление, напротив, представляет ту сторону действительности, которую можно характеризовать словами: "неопределенность", "хаотичность", "неупорядоченность", "беспорядок" и т.п.

Порядок и беспорядок (хаос), упорядоченность и неупорядоченность — две "половины" "пространства" действительности, выражающие, с одной стороны, *законосообразную* действительность а с другой — *являющуюся* действительность.

Закон как внутреннюю, ненаблюдаемую сторону действительности и явление как внешнюю, наблюдаемую сторону можно охарактеризовать кантовскими терминами — "вещь в себе" и "вещь для нас".

Как уже говорилось, между законом и явлением имеет место плавный переход, т.е. нет резкой грани. Есть законы, которые ближе стоят к явлениям, а есть такие, которые дальше отстоят от них. Более общие законы "охватывают", соответственно, большее количество явлений и, следовательно, дальше отстоят от каждого явления в отдельности. Менее общие законы "охватывают" меньшее количество явлений и, следовательно, ближе стоят к ним, полнее их характеризуют. Здесь можно провести аналогию между явлениями и законами, с одной стороны, и рядовыми подчиненными и начальниками, с другой. Чем более высокий пост занимает начальник, тем он дальше от рядового подчиненного.

То же можно сказать о явлениях. Подобно тому, как существуют более общие и менее общие законы, существуют и явления более частые и менее частые, т.е. менее редкие и более редкие. Например, дождь в пустыне — редкое явление, а в умеренной зоне — частое явление; или выпадение снега летом — чрезвычайно редкое явление в умеренной зоне, а зимой — частое явление; или крупный выигрыш в лотерее — очень редкое явление, а небольшой выигрыш — частое явление. Таким образом, как законы бывают различной степени общности, так и явления бывают различной степени "встречаемости" — от почти невероятных, небывалых, уникальных до обычных, рядовых, случающихся в массовом порядке.

Имеются еще аperiodические и периодически повторяющиеся явления (например, землетрясения в первом случае и затмения солнца и луны во втором случае).

Частые, обычные или периодически повторяющиеся явления ближе стоят к законам, как бы непосредственно примыкают к ним. Именно о таких явлениях можно сказать, что в своей массе они выражают закономерность, являются формой проявления закона, ареной действия за-

кона. Частые или массовые явления "управляются" статистическими закономерностями или "управляют" ими, что одно и то же.

Явления редкие, чрезвычайные, необычные, уникальные дальше отстоят от законосообразности; они по своему происхождению являются выражением чистой случайности. Именно такие явления генерируют беспорядок, хаос. (Например, такое чрезвычайное явление как землетрясение значительной силы в населенной местности дезорганизует жизнь людей, а порой и прекращает ее. Мощное извержение вулкана на острове "Санторин" несколько тысяч лет назад погубило высокоразвитую цивилизацию на Крите).

В неорганической природе закон и явление — только *полюсы взаимозависимости*, т.е. в какой-то мере внешни друг другу. Если они соприкасаются, то предстают как бы в разжиженном виде — в виде массовых явлений и статистических закономерностей, являющихся *промежуточными* состояниями между полюсами взаимозависимости.

В живой природе и человеческом обществе к этим отношениям закона и явления прибавляется их *взаимоопосредствование* — *сущность*.

Линия "закон — явление" характеризует действительность как бы в горизонтальном разрезе. Если же рассматривать ее в вертикальном разрезе, т.е. в аспекте становления, то мы увидим, что она "раздваивается" на *новое* и *старое* — новую и старую действительности. Это — виды действительности в аспекте становления. На *диаграмме* категории "действительность" они размещены по вертикали и отделены от остальных субкатегорий горизонтальными линиями. Новое и старое, как и сама категория действительности, являются целокупностями, объединяющими указанные выше субкатегории. Новая действительность включает в себя и новые явления, и новые законы, и новую сущность.

2.3. СТАРОЕ И НОВОЕ

Ни одна новая мысль не пугала его потому, что она новая, и ни одна новая мысль не покоряла его потому, что она новая.

О С.И. Танееве-педагоге

Старое и *новое* — виды действительности, взятые в аспекте становления. Различение старого и нового предполагает выход за пределы данной действительности, в реальность *взаимоотношений* действительности и возможности, а именно, в реальность *становящегося*.

Взаимоотношения действительности и возможности таковы, что одна "часть" возможностей вызревает в недрах *старой* действительности, является как бы ее детищем, а другая "часть" возможностей "приходит" со стороны, является внешней для этой действительности. Действительность лишь отчасти можно уподобить пауку, который тклет паутину из самого себя. Не все возможности вытекают из старой действительности. В том-то и состоит принципиальное отличие возможности от действительности, что она создает условия для возникновения совершенно дру-

гой, *новой, небывалой* действительности. Благодаря возможности (прежде всего случайности и свободе) новая действительность содержит в себе такие моменты, которых *не было* в старой действительности. Хотелось бы особо отметить роль случайности в возникновении нового. Вот что пишет по этому поводу В.П. Огородников: "Вопрос об источнике нового тесно связан с проблемой случайного, роли последнего в процессе. "Чистая" необходимость, не оставляя места случайности, упраздняет новое. В самом деле, если некоторое предшествующее определяет некоторое последующее с абсолютной необходимостью, то, следовательно, между прошлым и настоящим, настоящим и будущим существует одно-однозначное соответствие. Любое новое как то, чего не было, выбивается из рамок этой однозначности"¹. Это, конечно, не значит, что другие моменты возможности, в том числе необходимость, играют меньшую роль в возникновении нового. Возможность "ведет себя" по отношению к действительности как *целокупность* всех своих моментов. Поскольку старое и новое — старая и новая *действительности*, постольку они выступают как *целокупности*, обнимающие собой все моменты действительности: явление, статистическую закономерность, закон, сущность. Можно говорить *в отдельности* о старых и новых явлениях, старых и новых законах (статистических закономерностях), старой и новой сущности. Но это будет определенная условность. *Старое* и *новое* являются старым и новым именно как действительности, как целокупности указанных выше моментов. Это можно видеть из следующего. Мы говорим о старых и новых вещах, событиях делах, друзьях, привычках, обычаях, временах, идеях и т.д. и т.п. Все эти "предметы" имеют значение старых или новых не сами по себе, не в своей отдельности, а лишь в *контексте* жизни, индивидуальной или родовой, общественной, в *контексте* некоторого потока, целокупности изменений, происходящих в рамках жизни. Старого и нового нет вне жизни, вне ее изменений, трансформации. Иными словами, старого и нового нет в неорганической природе. Если мы говорим о старых или молодых горах (например, о старых уральских и молодых кавказских), то это не более, чем некоторое уподобление неорганического, неживого органическому, живому. Оно как всякое сравнение хромает. Говорят еще о новых и сверхновых звездах, о новолунии, о старом и молодом месяце. Это все либо специальные научные термины, имеющие лишь отдаленное сходство с категориальным значением слов-прототипов, либо метафоры, либо остатки прежнего оживотворения неорганической природы.

Далее, как мы уже говорили, не следует путать отношение "старое-новое" с отношением "старое-молодое". Старое и молодое характеризуют разные фазы, этапы *развития*. Старое и новое характеризуют разные фазы, этапы *становления*.

¹ Огородников В.П. Познание необходимости. М., 1985. С. 78-79.

Не следует также путать отношение "старое-новое" с отношением "низшее-высшее". Различение старого и нового не есть различение *ступеней* становления, т.е. не тождественно различению *низшего* и *высшего*. Новое — это не всегда более высокое (более сложное, совершенное, лучшее), а старое — это не всегда низшее (менее сложное, совершенное, худшее). Различение старого и нового означает лишь то, что действительность как-то меняется: старая действительность обновляется, а новая стареет. Взаимодействие старого и нового — это кристаллический раствор, в котором формируется более высокое, в котором делается возможным переход от низшей формы действительности к высшей. Хотя новое не всегда означает переход на более высокую ступень становления, без него этот переход вообще невозможен. Лишь в рамках переходов от старого к новому и от нового к старому (обновления и старения действительности) возможно становление, т.е. движение от низшего к высшему.

Диалектика старого и нового очень непроста. Правильно ли, например, говорить о возникновении нового как *отрицании* старого и можно ли построить новое на развалинах старого? Или, может быть, новое — это хорошо забытое старое и ничего нового под луной нет? Вопросам несть числа.

Консервативно настроенные люди склонны держаться старого, боятся изменений, нововведений; напротив, прогрессисты и революционеры хотят, жаждут нового. Кто из них прав? Или каждому свое?

Гегель вполне в духе своих взглядов отдавал явное предпочтение консерватизму. Мы не найдем у него категорий старого и нового. А уж представление о новом как *небывалом* для него вообще неприемлемо. Г.М. Елфимов справедливо замечает: "Не случайно Гегель избегал специально ставить вопрос о качественно новом, а постоянно отдавал предпочтение аспектам сохранения и повторяемости в "поступательном движении". Такая позиция связана с необходимостью сохранения требований его системы — абсолютно замкнутой, завершенной системы саморазвивающихся категорий"¹.

Взаимоотношения нового и старого нельзя представлять как однолинейный временной процесс: сначала старое, а потом новое. Не всегда новое заменяет, замещает старое. Чаще всего оно становится рядом со старым, уживается с ним. Старое, конечно, теснится, уступает дорогу новому вплоть до исчезновения. Но это происходит не всегда. Посмотрите: практически все низшие формы жизни сохранились и продолжают развиваться, эволюционировать несмотря на то, что возникли и развиваются высшие формы жизни. Старое, древнее потеснилось, но не исчезло или не перешло целиком в новое. Более того, для нового в определенном смысле жизненно важно сохранение старого. В настоящее время люди много говорят об охране окружающей среды. А что это как

¹ Елфимов Г.М. Возникновение нового. М., 1983. С. 147.

не стремление сохранить старое, то, что возникло и развивалось до нас?! Новое, конечно, порой стремится уничтожить старое, чтобы жить и развиваться самому. Но оно же нуждается в старом, не может жить без старого. Такова диалектика жизни. Глупо уничтожать старое только потому, что оно старое, и поддерживать новое только потому, что оно новое. "Отречемся от старого мира" — это лозунг, мягко говоря, неумных людей. Жаль, что мы осознаем это только сейчас, на исходе XX столетия.

3. ВИДЫ СТАНОВЛЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

В двадцатом веке человечество "натерпелось" от революций и, откровенно говоря, не очень хочется заниматься этой темой. Идея революции сильно дискредитировала себя. Особенно в России. Почти все стали эволюционистами-постепеновцами. И автор не исключение. Однако, эмоции эмоциями, а логика изложения материала требует, чтобы тема революции была рассмотрена. Понятие революции находится в тесной логической связи с понятием эволюции и игнорировать этот факт нельзя.

Начнем с того, что *эволюция* и *революция* лишь сравнительно недавно были осознаны людьми как важные идеи-понятия. А их категориально-логический статус не определен до сих пор. В нашей версии категориальной логики *эволюция* и *революция* рассматриваются как *виды* становления. В неорганической природе им соответствуют постепенное изменение (постепенность) и скачкообразное изменение (скачок). Эволюция и революция — процессы, которые охватывают собой *сложные органические* изменения, т.е. их необходимым элементом являются процессы *развития*. Скачок и постепенность характеризуют сравнительно простые изменения. Они используются главным образом для характеристики неорганических процессов. Например, выветривание скалы вплоть до ее полного исчезновения — это постепенное изменение, а разрушение скалы в результате землетрясения — это скачкообразное изменение.

Кстати, эволюционная теория *Ламарка* и теория катастроф *Кювье* суть не что иное как попытки объяснения сложных органических процессов эволюции и революции с помощью неорганических понятий постепенности и скачка.

Примером редукционистского истолкования понятий эволюции и революции (в смысле неорганических понятий постепенного и скачкообразного изменений) является также их использование для характеристики *масштабных геологических* процессов¹. Последние, при всей вовлеченности в них биосферных процессов, остаются все же по своей при-

¹ См., например, статьи "Революция" и "Эволюция" в "Философском энциклопедическом словаре". М., 1983.

роде неорганическими. В них нет процессов *развития*, нет *восхождения от низшего к высшему*, как это мы наблюдаем в живой природе.

Дарвиновская теория происхождения видов, хотя и использовала язык органических понятий, обладает тем недостатком, что она пыталась объяснить *революционные* по своей сути процессы (а происхождение видов относится к таковым) с помощью инструментария *эволюционной* теории. Как пишут Г. Грубер и П. Баррет "его теория является теорией продолжающихся изменений в системе, а не теорией возникновения системы"¹. Лишь с появлением генетической теории мутаций стало возможным объяснение биологических революций. В этой связи, с категориально-логической точки зрения правильнее говорить не об эволюции живой природы, а о ее становлении. Ведь теперь совершенно ясно, что в живой природе наряду с эволюционными (постепенными) процессами время от времени случаются *революционные* (скачкообразные) процессы. И последние не менее важны для становления живой природы, чем первые.

Отношение между понятиями революции и эволюции обоюднo-симметрично. Как революция логически связана с эволюцией, предполагает ее, так и эволюция логически связана с революцией, предполагает ее. Иными словами, становление полноценно лишь при наличии обоих процессов: революции и эволюции. Без революции становление не движется вперед, не прогрессирует, "топчется на месте", "ходит кругами", повторяя, воспроизводя одни те же формы. Без эволюции становление эфемерно, нежизнеспособно, катастрофично.

Революция решает задачу достижения более высокой ступени становления через рождение нового, небывалого.

Эволюция решает задачу развития, совершенствования и распространения нового, укрепления его позиций на достигнутой ступени лестницы становления. Революция — это переход от более низкой, более простой формы развития к более высокой, более сложной форме. Эволюция — это развитие развития, т.е. развитие однажды возникшей формы развития.

Интересно проанализировать этимологию слов *революция* и *эволюция*. *Революция* происходит от позднелатинского *revolutio*, что значит *поворот, переворот* (Сравн.: *револьвер* — огнестрельное оружие с магазином в виде вращающегося барабана или *револьверный* станок — с вращающейся головкой, в которой закрепляются несколько режущих инструментов). В самом деле, революция — это переход одной противоположности в другую, изменение вплоть до наоборот, поворот на 180 % и т.д. и т.п. В ней акцент падает на изменении, на противоположности. *Эволюция* происходит от латинского *evolutio*, что значит *развертывание*. В отличии от *революции* в *эволюции* акцент падает на сохранении,

¹ Gruber H.E., Barret P.H. Darwin on Men. New York, 1974, p. 4151. Цит. по: Елфимов Г.М. Возникновение нового. М., 1983. С.90.

на изменении *внутри* сохранения, на *усилении* сохранения, сохраняющегося, на тождестве с исходным состоянием, на выявлении, развертывании того, что *есть*. Мы видим, что этимологически слово *эволюция* близко по смыслу нашему русскому слову *развитие*. Это, действительно, очень близкие категории. Тем не менее они отображают разные срезы реальности. *Эволюция* выступает в паре, в логической связи с *революцией*. У *развития* нет такой пары. Если теперь привести конкретный пример развития: эмбриональное развитие (эмбриогенез) — то увидим, что это развитие принципиально отличается от эволюции. Оно строго циклично, спиралеобразно, запрограммировано, протекает строго определенным образом и т.д. Эволюция не такова. Ее цикличность, спиралеобразность, запрограммированность не так выражены. Бессмысленно говорить о развитии зародыша как эволюции. Далее, если возьмем развитие человека от момента рождения, то и в этом случае разница между развитием и эволюцией очевидна. Индивидуальное развитие человека в высокой степени запрограммировано и генотипически, и фенотипически. Человек так или иначе "проходит" этапы детства, юности, зрелости... Если же он эволюционирует (например, в своем поведении, в своих взглядах), то эта эволюция может быть самой разной и непредсказуемой.

Биологическая революция — это возникновение нового вида (новых видов) живого, стоящего (стоящих) на более высокой ступени становления живой природы.

Идея биологических революций, хотя и с трудом, но все же пробивает себе дорогу в науке и философии. О *клеточной революции* писал, например, Тейяр де Шарден. "Клеточная революция", с его точки зрения, "выступает как выражение на кривой эволюции Земли критической и уникальной точки *зарождения* — момент, не имеющий себе подобных. Один раз на Земле — протоплазма, как один раз в космосе — ядра и электроны" ¹.

Интересную интерпретацию биологической революции как *ароморфоза* дает М.А. Селезнев².

В плане развития идеи ароморфоза как биологической революции заслуживает внимания идея *ключевых ароморфозов* (Н. Иорданский), т.е. крупных преобразований организации, имеющих перспективное значение для систем в целом и открывающих новые возможности функционирования и эволюционных перестроек организации³. Ключевой ароморфоз "влечет за собой цепь стремительно развивающихся преобразований, совокупность которых выводит организацию на новый, более высокий уровень, на котором открываются и новые возможности для

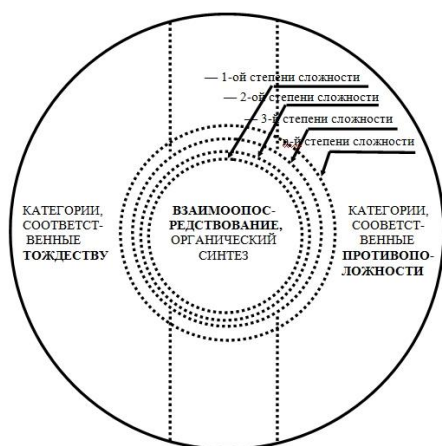
¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 89.

² Селезнев М.А. Социальная революция. М., 1971. С. 211.

³ См.: Миклин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980. С. 528.

освоения ресурсов внешней среды"¹. Здесь мы отчетливо видим тесную связь революции и эволюции. Революция, обновляя действительность, создает условия для дальнейшего эволюционного процесса, т.е. для перехода действительности в возможность (появления широких перспектив, открытия все новых и новых возможностей).

Выше, сравнивая становление и развитие, мы говорили о том, что становление — это цепь переходов от низших форм развития к высшим или от развития одной степени сложности к развитию другой, более высокой степени сложности и от развития этой степени сложности к развитию еще более высокой степени сложности. Более общее представление о становлении как движении от одного уровня взаимоопосредствования, органического синтеза к другому уровню, а от этого другого к третьему и т.д. дает приводимая ниже *диаграмма*. Графически становление означает расширение центрального круга, пошаговый "захват" или "освоение" "территорий", относящихся к противоположным категориальным определениям, соответственным тождеству и противоположности. В смысловом плане это означает углубление взаимоопосредствования, расширение рамок органического синтеза этих категориальных определений. В самом деле, чем выше форма живого, тем она, с одной стороны, более устойчива, более едина, целостна и т.д., а с другой,

более изменчива, более многообразна, сложна и дифференцирована...

Человек, будучи высшей формой жизни на Земле, достиг наибольших успехов в деле освоения пространства и времени, качества и количества материи, порядка и беспорядка, внутреннего и внешнего.

Выше мы употребили выражение *пошаговый* "захват" "территорий". Этим мы хотели сказать, что расширение центрального круга или "захват территорий" не является чисто

непрерывным, постепенным процессом, а включает в себя также дискретный, скачкообразный момент. Понятия эволюции и революции как раз и обозначают эти два разных момента становления. Эволюция характеризует становление как непрерывный, постепенный процесс, революция — как дискретный, скачкообразный процесс.

(Употребляя выражения *постепенность* и *скачок* по отношению к эволюции и революции, мы в известной мере огрубляем, упрощаем эти понятия. Об этом нужно помнить. Ведь на самом деле эволюция не яв-

¹ Иорданский Н.Н. Неравномерность темпов макроэволюции и ключевые ароморфозы. — "Природа", 1977, № 6. С. 45.

ляется чисто постепенным, непрерывным процессом, а революция — чисто скачкообразным, дискретным процессом (или, как говорят еще, перерывом постепенности). В эволюции мы можем наблюдать скачкообразные изменения, а в революции — постепенные изменения. Примером скачка в эволюции применительно к человеческому обществу является *реформа*. Эволюция и революция глубоко опосредуют друг друга и именно поэтому они не являются чисто постепенными или чисто скачкообразными изменениями. Эволюция — органический синтез постепенности и скачка при определяющей роли постепенности. Революция — органический синтез скачка и постепенности при определяющей роли скачка.)

Диаграмма позволяет также объяснить с категориально-логической точки зрения феномены *одноплоскостного развития* и феномены *регресса, деградации, инволюции*. В случае одноплоскостного развития круг взаимоотношений ни сужается, ни расширяется. В случае регресса, деградации, инволюции круг взаимоотношений *сужается, сжимается* вплоть до шагового перехода на ступень ниже, на более низкий уровень развития. С помощью диаграммы можно объяснить и феномен смерти или гибели живого организма, существа, человека. В случае смерти или гибели круг опосредствования исчезает или сужается до самого низкого уровня, соответствующего элементарным формам жизни.

Эволюция и революция в человеческом обществе

Человеческая история — *продолжение* истории живой природы и в качестве такового она не хуже и не лучше последней. Как и в истории живой природы, в ней есть место для эволюций и революций. Она — арена эволюционных и революционных процессов.

В последние два-три века в связи с известными историческими событиями, процессами понятия эволюции и революции стали предметом ожесточенных споров и дискуссий. К ним, как ни к каким другим понятиям, применим тезис Гоббса: если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Консервативно настроенные люди вообще против любых изменений: и революционных, и эволюционных. Умеренные эволюционисты за постепенные изменения-преобразования, за реформы, но против революций. Революционеры, конечно, за революционный путь преобразования общества, хотя они не отвергают и путь реформ (но только не вместо революции, а после нее). И, наконец, ультрареволюционеры-ультрарадикалы за перманентную, непрерывную революцию и против эволюционных изменений-преобразований. Крайние взгляды, нужно, безусловно, отсечь как абиотические, противоестественные, антигуманные. Умеренные взгляды с той и другой стороны заслуживают того, чтобы относиться к ним серьезно. Сторонники социальной эволюции утверждают, что для общества как большой массы, статистического ансамбля людей наиболее

естественны, соразмерны медленные, постепенные изменения. Сторонники социальной революции утверждают, что общество подобно живому организму имеет устойчивую форму, организацию, которую можно изменить лишь скачком, т.е. что переход от одного способа организации общества к другому невозможен эволюционным путем. Те и другие правы по-своему. Каждый из них видит общество с одной стороны. Эволюционисты слишком большое значение придают содержанию, считают, что его изменением можно добиться всего, а форму предлагают не трогать, не изменять. Революционеры, напротив, преувеличивают значение формы, считают, что от ее изменения зависит все, а содержание — этакое приложение к форме, которое автоматически меняется вслед за изменением формы. Эволюционисты "молятся" на старое, потому что оно старое. Революционеры "молятся" на новое, потому что оно новое.

Революция без эволюции — социальное потрясение, катастрофа.

Эволюция без революции — социальный застой, болото, где все гниет и разлагается.

Сторонники эволюции и революции должны осознать, что для общества в равной степени важны революция и эволюция, и договориться друг с другом. Ожесточение споров, войн белых и красных должно уйти в прошлое. Приверженцы старого пусть знают, что новое рано или поздно придет на смену старому или потеснит его; с ним лучше разбираться спокойно, по-человечески, без крови и насилия, лучше договариваться, а не драться. Сторонники нового пусть знают, что насилие над старым, торопливость, забегание вперед может обернуться поражением нового. Опыт Октябрьского переворота в России показывает также, что новое не всегда является действительно новым, т.е. поднимающим жизнь общества на более высокую ступень становления. Это "новое" может быть движением в сторону или даже движением назад (как в случае, например, с исламской "революцией" в Иране). Октябрьский переворот не был по-настоящему революцией. Ведь даже согласно Марксу революции — локомотивы истории. А результаты и последствия Октябрьского переворота не таковы. Коммунистическая Россия все время плелась в хвосте мирового прогресса, была фактически, за малым исключением, паразитом мирового прогресса. Знаменитый лозунг 30-ых годов "Догоним и перегоним!" так и не был реализован. Да, Октябрьский переворот привел к серьезным изменениям в жизни России. Но были ли эти изменения восхождением от низшего к высшему? Нет, конечно.

Оказывается, *не все, что люди называют революцией, на самом деле является революцией.* Общественные потрясения и государственные перевороты сами по себе не являются революциями. Революция — такое изменение формы общества (общественного строя), которое ведет к переходу от низшего к высшему. Всякое другое употребление слова

"революция" является осознанным или неосознанным искажением его смысла, политической спекуляцией или наивной демагогией.

Оценить тот или иной общественный процесс как революцию можно скорее всего лишь ретроспективно, задним числом, по прошествии определенного, достаточно длительного времени. (Выше мы говорили, что революция имеет смысл революции лишь в логической связке с эволюцией. Она должна быть подготовлена эволюцией и проверена, испытана на прочность эволюцией же.)

Статья опубликована в журн. "Полигнозис", 1999, № 1.